

**ГЕНДЕРНЫЙ ПОРЯДОК
В СОВРЕМЕННОМ
ЦЕННОСТНОМ
ПРОТИВОСТОЯНИИ РОССИИ
И СТРАН «КОЛЛЕКТИВНОГО
ЗАПАДА»**

**GENDER ORDER
IN THE CONFRONTATION
OF VALUES BETWEEN RUSSIA
AND THE COUNTRIES
OF THE “COLLECTIVE WEST”**

Е. В. Касаткин* **
ORCID: 0009-0001-0894-2583

Evgeniy V. Kasatkin* **

* *Адыгейский государственный университет, Майкоп, Республика Адыгея, Россия*
** *Военный учебный центр Ростовского государственного медицинского университета, Ростов-на-Дону, Россия*

* *Adygea State University
Maykop, Republic of Adygea, Russia*
** *Military training center of Rostov State
Medical University,
Rostov-on-Don, Russia*

Цель исследования – рассмотреть роль современного социологического дискурса в переосмыслении гендерного порядка и использование его в ценностном противостоянии России и стран «коллективного Запада».

Objective of the study is to consider the role of modern sociological discourse in rethinking the gender order and its use in the value confrontation between Russia and the countries of the “collective West”.

Методологическая база исследования. Анализ опирается на методологию социального конструктивизма, который лежит в основе социологии гендера и позволяет определить такие понятия, как «гендерная политика», «гендерный порядок». Наряду с этим используются постструктуралистская концепция власти М. Фуко и квир-теория.

The methodological basis of the research. The analysis is based on the methodology of social constructivism which underlies the sociology of gender and allows to define such concepts as “gender policy” and “gender order”. Along with it, the post-structural concept of power by M. Foucault and queer theory are used.

Результаты исследования. Автор рассматривает вытеснение концепции гендерного порядка и анализ объективных проблем неравенства, заложенных в ней, с политической повестки современных экономически развитых обществ. Инструментом в этом выступает современная квир-теория, которая вызрела в недрах гендерной социологии, дифференцировавшей биологический пол и

The results of the study. The author considers the displacement of gender order concept and the analysis of objective problems of inequality, inherent in it, from the political agenda of modern economically developed societies. The tool in this is modern queer theory, which matured in the depth of gender sociology, which differentiated biological sex and the social construct of gender identity. The distance between biological sex

социальный конструкт гендерной идентичности. Дистанция биологического пола и гендера в квир-теории доведена до своего завершения, которое проявляется в отрицании природной дихотомии идентичности на маскулинную и феминную. Показывается, как средствами политической власти идеи квир-теории утверждаются как юридическая норма в странах «коллективного Запада», закрепляются на уровне Международных организаций (ООН, Евросоюз). На примере России показано продвижение либерализации сексуальной идентичности в политическом дискурсе, а также защита Россией гендерного порядка и традиционных ценностей, в том числе – на международном уровне.

Перспективы исследования связаны с последующим изучением отношения современной студенческой молодежи к традиционным ценностям, включая феминность и маскулинность как ценности, гендерный порядок.

Ключевые слова: гендер, биологический пол, гендерный порядок, квир-теория, традиционные ценности, гендерные идентичности, маскулинность, феминность

and gender in queer theory is brought to its completion, which manifests itself in the denial of the dichotomy of identity into masculine and feminine. It is shown as by means of political power, the ideas of queer theory are approved as a legal norm in the countries of the “collective West”, and are consolidated at the level of international organizations (UN, European Union). The example of Russia shows the promotion of sexual identity liberalization in political discourse, as well as Russia’s defense of the gender order and traditional values, including at the international level.

Prospects of the study are connected with the following study of the attitude of modern student youth to traditional values, including masculinity and femineity as values, gender order.

Keywords: gender, biological sex, gender order, queer theory, traditional values, gender identities, masculinity, femininity

Введение

В настоящее время не только в академической науке, но и в повестке международных отношений, остро актуальной проблемой является обсуждение гендерного порядка – легитимного характера взаимоотношений гендерных групп, который в обществе рассматривается как основа культуры. О степени важности этой повестки свидетельствует тот факт, что юридическая поддержка страной толерантного отношения к сексуальным меньшинствам и защита гражданского равноправия вне зависимости от сексуальной ориентации рассматривается в качестве индикатора демократического политического режима в этой стране. В этой проблеме фокусируется ценностное противостояние России, отстаивающей ценности традиционного бинарного гендерного порядка, и стран «коллективного Запада», активно продвигающих ценность разнообразия сексуальных идентичностей как необходимый компонент и признак демократии. Понятие «коллективный Запад» объединяет страны НАТО, Евросоюза и США, которые выступают с платформы общеевропей-

ских ценностей, центральной из которых является ценность индивидуальной свободы. Эта ценностная основа используется для геополитической стратегии русофобии и ослабления России (Здравомыслова, Темкина, 2015. С. 71).

В современном западном социологическом дискурсе острой критике подвергаются гендерные исследования, в которых авторы исходят из дифференциации биологической и культурной составляющих в изучении вопросов, связанных с полом. При этом признается наличие двух гендерных конструктов – мужского и женского. Критика этого теоретического подхода вызвана необходимостью обосновать пластичность гендерных конструктов, наличие многообразия гендера, которое обусловлено многообразием и равнозначностью разных типов сексуальной идентичности, связанных с трансгендерностью, трансвестизмом и другими практиками, включая хирургическую коррекцию пола. Все многообразие исследований в этой сфере объединяется понятием квир-теории: «Термин “квир” используется для обозначения гендерных и сексуальных субъектов, не вписывающихся в рамки гетеросексуальности и фиксированных гендерных и сексуальных идентичностей» (Здравомыслова, Темкина, 2015. С. 179).

Само понятие квир-теории с точки зрения этимологии происходит от английского слова *queer*, имеющего значение *странный, отличающийся от других*, и большей частью носило уничижительный характер относительно внешних признаков (женоподобный мужчина), а также распространялось на отличающихся по своему сексуальному поведению мужчин. В конце 80-х годов прошлого века данное слово начинает проецироваться на сексуальную и гендерную идентичность, не соотносящуюся с нормативными гетеросексуальными гендерными идентичностями. Представители ЛГБТ-сообществ символически стали использовать данное определение, бросая таким образом своеобразный вызов нормативным представлениям о маскулинности и феминности. В XXI веке спектр сексуальных и гендерных идентичностей расширяется, что привело к расширению аббревиатуры ЛГБТ до ЛГБТКИАП, куда входят лесбиянки, геи, бисексуалы, трансгендеры, квиры, интерсексуалы, асексуалы, пансексуалы. Тем самым в квир-теории размывается представление о гендерном порядке, поскольку гендерная идентичность нивелируется до сексуальной.

Все вышеперечисленные сообщества и организации активно продвигают идею нивелировки значимости биологического пола: не важно, к какому полу по рождению принадлежит индивид, гораздо важнее как он себя идентифицирует. При этом акцент делается на «просвещение молодежи» с тем, чтобы с раннего детства поселить в ребенке неуверенность в своей гендерной идентичности. По мнению исследователя А. И. Антоненко, гей/квир-повестка, пропагандируемая Западом, вызывает опасения со стороны государств, стремящихся сохранить традиционные представления о семье, включающей двух родителей и их детей, поскольку так называемое «просвещение моло-

дежи» разрушает укорененные моральные ценности и поселяет в молодых людях сомнения по поводу своей гендерной принадлежности (Антоненко, 2021). Регулярная работа по подрыву традиционной дихотомии, начавшаяся в странах «коллективного Запада» более двадцати пяти лет назад, приобрела систематический и навязываемый характер в последнее время. Под сомнение ставятся традиционные отношения между мужчиной и женщиной, семья в ее традиционном и религиозном представлении, то есть речь идет о подрыве и изменении традиционного гендерного порядка.

Методологические основы исследования

На протяжении XX века важной проблемой политической жизни экономически развитых стран было утверждение нового гендерного порядка, который мог обеспечить равные социальные, экономические и политические права мужчинам и женщинам. Политический аспект этой проблемы неравенства женщин и мужчин, обусловленный биологической дифференциацией полов, был осмыслен в марксизме. В классической социологии, например в структурном функционализме Т. Парсонса, различие в мужском и женском основывалось как на различиях в репродуктивных функциях, так и на различии в выполняемых видах трудовой деятельности. Т. Парсонс, ставший основоположником теории половых ролей, во главу угла положил различие между экспрессивным и инструментальным действием, где женщины принимали экспрессивные роли, а мужчины инструментальные. Социальные роли служат неким «скриптом» социального поведения, ожидаемого от мужчин и женщин соответственно. Освоение этих «скриптов» осуществляется в процессе гендерной социализации, которая в течение длительного исторического периода соответствовала традиционному гендерному порядку. Т. Парсонс также отмечает, что иногда может происходить некоторый сбой в интериоризации предзаданных традиционных «скриптов» маскулинности и феминности, что может вылиться в так называемую «ошибочную социализацию», привести к сбою в восприятии половых ролей (Парсонс, 2006).

Э. Гидденс, рассуждая об изменениях в восприятии сексуальности в современном мире, подчеркивает, что сексуальность представляется сегодня достаточно амбивалентным понятием, поскольку явно возникает противоречие между глобальным рассмотрением сексуальности, присущим каждому обществу, и рассмотрением сексуальности как сугубо частного феномена, который предопределяется биологией и извечным человеческим стремлением к репродуктивности. Поэтому он приходит к выводу, что сегодняшнее негативное отношение к традиционному гендерному порядку ведет к восприятию сексуальных отношений как не подразумевающих воспроизводство человеческого вида (Giddens, 1997).

Феминизм, как политическое движение за права женщин, опирался на социально-экономический анализ К. Маркса, но при этом во второй поло-

вине XX века акцентировал внимание на властных отношениях, которые были спроектированы в сферу гендерного взаимодействия. К. Делфи, являющаяся известной представительницей феминистской социологии, провела концептуальное различие между биологическим полом, который относится к репродуктивным возможностям мужчин и женщин, и гендером, который представляет социальный конструкт, по-разному создаваемый в той или иной культуре. Если гендер находится под давлением традиционных культур, то он вынужден соответствовать аскриптивным половым ролям, что определяется как природная данность. При этом конструируемый гендер, являющийся признаком демократизации культуры и либерализации научной мысли и политической повестке, представляет культурный конструкт, который может быть воспринят любой культурой (Delphy, 1996). Именно данный посыл считается в современных публикациях западных социологов, которые в своем большинстве отрицают биологическую природу гендера и сводят его только к социальной категории.

Между тем, такое понимание гендера не учитывает взаимоотношения, устанавливающиеся между гендером и властью, на чем основывались первые теоретические исследования представителей феминизма, в которых доминирование мужчин над женщинами объяснялось с точки зрения неравного доступа к экономическим и политическим ресурсам (власти). Исходя из этого, гендер рассматривается как особая форма социального неравенства, которое объясняется ими в контексте капитализма и патриархальности, где мужчины ассоциируются с инновационными производственными технологиями общества модерна (капитализмом), а женщины – с репродукцией, традицией и патриархальностью.

Другой подход к анализу гендерного порядка возник в 80-е годы XX века благодаря трудам известного французского мыслителя М. Фуко, который показал связь сексуальности и государственной власти, превращение с Нового времени секса в объект администрирования. Этот подход позволил увидеть роль власти в укреплении или разрушении гендерного порядка через регулирующее воздействие на сексуальность и телесные практики, принятые в обществе. Ключевой проблемой при этом является управление численностью населения: «На стыке биологического и экономического рождается анализ сексуального поведения, его детерминант и последствия» (Foucault, 1978. P. 37). Однако «контроль над телами» через нормирование сексуальности для развивающегося капитализма имел не только смысл регулирования численности населения, но и расширения экономической деятельности за счет включения в производство потребностей этой части населения. При этом власть разрасталась за счет создания и использования новых методов и техник, ориентированных на управление потребностями, склонностями и способностями.

Так биология нашла отражение в политике (Foucault, 1978. P. 187). Секс оказался в центре борьбы за власть, т. к. в нем сфокусировалось управление жизнью («дисциплина тела») и регулирование численности населения: «Секс имеет отношение одновременно и к жизни тела, и к жизни вида. Поэтому он используется как матрица дисциплин и принцип регуляций» (Foucault, 1978. P. 192). Фуко показал, как в качестве регулирующих механизмов формирования сексуальности стали использоваться школа и медицина. Так, например, с XIX века государственная власть, опираясь на медицину, определила гомосексуальность как «патологию», «отклонение», которое определяет особую психологию, характер и анатомию, отличные от гетеросексуалов. И эта категоризация предполагала определенные действия со стороны власти.

Эти идеи повлияли на изучение гендерного неравенства в постмодернистский период, когда оно перестает рассматриваться как объективный феномен и явление политической жизни, а фокус анализа смещается в область индивидуально конструируемых гендеров посредством культурных практик. Главным становятся не социальные структуры и социальные системы, но гендерные субъективности самости (Self) и идентичности. Данный шифтинг приводит к смещению интереса с социально-полового разделения труда и гендерного порядка к изучению гендерного символизма и гендерных идентичностей. Апологетом данного подхода можно считать Дж. Батлер, которая, опираясь на идеи И. Гоффмана, рассматривает гендер как перформанс, но, в отличие от Гоффмана, у которого перформанс поддерживается социальными институтами, она рассматривает гендер не как предписанный атрибут, но как то, что все люди «делают» в ходе их повседневной деятельности, и это «делание» и конструирует гендеры (Butler, 1990).

Этот подход лег в основу квир-теории, которая, развивая идеи Батлер, полностью отказывается от какой-либо связи между гендером, природной сексуальностью и идентичностью, отвергая детерминистскую дихотомию между маскулинностью и феминностью. Вместе с этим гендерное неравенство, так же как и гендерный порядок, выводятся за рамки актуальной политической повестки. Обоснование М. Фуко использования сексуальности как ресурса власти нашло широкое применение в политической практике современных стран «коллективного Запада» и сопровождалось разработкой и институционализацией квир-исследований. В них обосновывается нормативность разнообразных сексуальных идентичностей. В фокусе внимания квир-теории находятся исследования индивидуальной идентичности, сексуальной ориентации и гендера. К числу ведущих исследователей этого направления можно отнести С. Кософски (Kosofsky, 1990), А. Джагоуз (Jagose, 2001), Ф. Хауг (Haug, 2018).

Квир-исследования в западной академической мысли являются вполне уважаемым исследовательским направлением, что подтверждается на-

личием во всех крупных университетах кафедр ЛГБТ и квир-исследований, либо исследовательской базы этой проблематики на отделениях женских и/или гендерных исследований. Регулярно проходят научные конференции и симпозиумы, в том числе международные. Существует большое количество научных изданий, освещающих ЛГБТ-проблему, таких как *Journal of Sexuality*, *GLQ*, *Journal of Lesbian and Gay Studies*, *The International Journal of Transgenderism*, *Journal of LGBT Youth*, *Journal of Gay & Lesbians Issues* и ряд других (Возможен ли «квир» по-русски... 2010. С. 220).

Обобщая все вышеназванные исследования, российский ученый Д. В. Воронцов определяет квир-теорию как «теорию, имеющую критическую направленность, поскольку ее предметом является выявление, критический анализ и раскрытие способов, посредством которых “нормативные” методы познания и деятельности поддерживают интересы одних и не поддерживают интересы других социальных групп, образуемых по признакам социального многообразия» (Воронцов, 2012. С. 153). В отечественной науке социологические аспекты анализа квир-исследований и отношения россиян к этим проблемам изучались И. С. Коном (Кон, 2007; Кон, 2019).

Продвижение либерализации гендерных идентичностей в российской академической среде

Анализ квир-теории, на наш взгляд, показывает ее направленность на либерализацию гендерных отношений и изменение нормативного гендерного порядка, поддерживающую нетрадиционные гендерные отношения и осуждающую нормативные представления о маскулинности, осуждающую ее гегемонные формы, которые представляются как агрессивные и не соответствующие политике современных демократических обществ. Данные положения прописаны в резолюции Европарламента от 18 января 2006 года, в которой гомофобия определяется как «иррациональный страх и отвращение к гомосексуальности и к лесбиянкам, геям, бисексуалам и трансгендерным людям, основанные на предубеждении, подобно расизму, ксенофобии, антисемитизму и сексизму»¹. Известный отечественный социолог И. Кон полагает, что данное постановление должно стать основой в работе отечественных ученых и политиков, направленной по преодолению гомофобии в России. По его мнению, российская гомофобия опирается на традиционные ценности, которые «неуместны» для демократического общества, а также на религию, постулаты которой давно устарели. В современном обществе каждый в праве выбрать религию, а «если церковь называет нечто грехом, это ее право». И. Кон пишет: «Отношение к гомосексуальности – идеальная лакмусовая бумажка для измерения демократизма и терпимости. При советской власти она была багровой от крови. Сегодня она краснеет от стыда» (Кон, 2007. С. 69).

¹ Резолюция Европарламента от 18.01.2006 о гомофобии в Европе. – URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-6-2006-0018_EN.html (дата обращения: 07.05.2024).

В работе И. Кона нашли отражение следующие положения:

- осуждение российской политики по сохранению традиционных ценностей и «возрождению имперского сознания»;
- сожаление об ограниченности гражданских прав лиц нетрадиционной ориентации;
- сожаление о том, что большая часть населения России согласно социологическим опросам, проведенным Левада-Центром в 1991, 2001 и 2005 гг., стабильно считают гомосексуальность болезнью 31 % респондентов, а 36 % считают ее следствием распущенности;
- обвинение Русской православной церкви во враждебном отношении к гомосексуальности, которое имеет «не только канонические, но и политические мотивы»;
- осуждение политики России за антизападные настроения, проявляющиеся, в частности, в том, что она не выступает за всенародное признание секс-меньшинств, не намерена узаконить однополые браки (Кон, 2007).

Социологические исследования по отношению к гомосексуальности, которые приводились И. Коном, достаточно устарели, поэтому приведем данные, которые были получены в ходе репрезентативного опроса современной молодежи в 2017 году коллективом ученых Государственного университета управления. На вопрос «Ваше отношение к гомосексуальным связям» были получены следующие ответы:

- положительное, сам участвую – 1,8 %;
- категорически против – 71,5 %;
- нейтрально (т. е. сами не будут участвовать, но и других не осуждают) – 22,2 %;
- не захотели отвечать на данный вопрос – 6,3 %.

По мнению авторов исследования, высокий уровень нейтрального отношения или позитивного отношения к гомосексуальным отношениям ставит «под удар ценности традиционной семьи» (Ценностные ориентации российской молодежи... 2017). Но, следовательно, не меньший удар наносится и по традиционной маскулинности, которая всегда связывалась с мужским началом – смелостью, защитой своей семьи и своей Родины, продолжением своего рода, стремлением соответствовать тем требованиям, которые предъявляются мужчинам со стороны противоположного пола, а также со стороны церкви.

Многие современные отечественные ученые, специалисты в области гендерных отношений и гендерного порядка, в большей степени сосредоточены на проблемах, связанных с представителями нетрадиционных гендерных сообществ. Некоторые из них рассматривают квир-движение как бунт против сохраняющейся патриархальности российского общества. Тем самым квир-теория и квир-движение способствуют демократизации общества. Так,

например, Д. Д. Исаев пишет: «Квир-концепция содержит в себе гигантский потенциал роста и развития социума... Квир может рассматриваться как своеобразный бунт "снизу" против мира вездесущей упорядоченности, в основе которой лежит техника и власть бюрократии» (Исаев, 2014. С. 297).

Нельзя не отметить, что интерес современных ученых в рамках феминистских исследований также делает акцент на «консервативности» социокультурных представлений в отношении маскулинности, на внимании к нетрадиционным сексуальным группам, позиция которых ставится во главу угла. Интерес представляет исследование О. А. Сеньковой, которая приводит данные глубинных интервью с представительницами ЛГБТИК-сообщества и 32 дней включенного наблюдения в этой группе. Она утверждает, что анализ гендерных отношений в современной России свидетельствует о спаде демократии в обществе, поскольку «вступает в силу патриархальная, нео-традиционная гендерная идеология, повсеместно проявляющаяся в сексистских политиках и практиках, которые наряду с гомофобией используются государством в качестве пропагандистского оружия» (Сенькова, 2018. С. 82). Проведя анализ глубинных интервью, О. А. Сенькова приходит к «неутешительным» выводам, которые представляется возможным категорировать следующим образом:

– представительницы лесбийских групп нуждаются в защите, поскольку находятся в постоянном страхе «риска насилия» вследствие консерватизма российского общества;

– они страдают от доминирования мужчин, которые мешают им создавать *male free* (свободного от мужчин) пространства для устроения своей лесбийской жизни;

– представительницы ЛГБТИК выказывают озабоченность по поводу коммерческого секса, говоря о том, что отсутствие возможности найти хорошую работу заставляет женщин заниматься проституцией, но, если они хотят ею заниматься, мешать им не следует, так как это их сознательный выбор;

– угнетенное положение лесбиянок вследствие «патриархальной гендерной иерархии, основанной на бинарных гендерных структурах» ведет к тренду солидаризации лесбийских групп, стремящихся противостоять патриархальности современного российского общества, сближению их с гей-сообществами.

Однако в статье не приводятся конкретные кейсы насилия, угнетения, которым подвергаются лесбиянки со стороны мужчин. Территория жизни, свободная от мужчин, а также пропагандируемая западной гендерной идеологией позиция нормальности гомосексуальных отношений ведет к тому, что именно «в отношениях геев – и мужчин, и женщин – может быть засвидетельствовано полное отделение сексуальности от воспроизводства» (Giddens, 1997. P. 143).

Политика России по сохранению ценностей традиционного гендерного порядка

В политической жизни России попытки противостоять квир-идеологии и защитить традиционные ценности наблюдаются с начала 2000-х годов. Правовая инициатива сохранения традиционных ценностей и рассмотрение пропаганды гомосексуальных отношений как угрозы семейным ценностям и традиционным отношениям между мужчиной и женщиной была инициирована снизу. Так, в 2006 г. рязанскими законодателями принимается на региональном уровне запрет на пропаганду гомосексуальности¹, затем подобный же закон принимается в Санкт-Петербурге в 2011 г.², хотя закон запрещает пропаганду различных видов гендерных девиаций (мужеложство, лесбиянство, бисексуализм, трансгендерность, педофилию), основной акцент был сделан на мужской гомосексуальности. Данные законодательные инициативы, возникшие в ряде регионов России, вызвали ответную негативную, осуждающую реакцию со стороны политической элиты ЕС, что выразилось в официальном докладе ЕС (2013 г.): «Традиционные ценности, особенно имеющие отношение к гендеру, сексуальной ориентации, гендерной идентичности ... на протяжении истории обычно приводили к маргинализации – и порой лишению голоса – множества индивидов и групп»³. Данная политическая позиция ЕС коррелирует с научными исследованиями западных социологов.

Так, например, в работах известного социолога В. Сперлинг подчеркивается, что в России превалирует консервативный дискурс по отношению к ЛГБТ-сообществам, где государством поддерживается бинарная гендерная оппозиция и «патриархальная иерархия ценностей», что приводит к господству «мачистской маскулинности над несубверсивной феминностью, а те, кто не хочет следовать традиционному гендерному режиму, превращаются в “гендерных диссидентов”. Таким образом, по мнению В. Сперлинг, Россия в контексте отношений с европейскими странами становится в явную оппозицию, где она позиционируется как оплот консервативных ценностей и представлений в противовес западным странам, которые являются оплотом сексуальной свободы и демократии (Sperling, 2002).

В XX веке стали реальными опасения по поводу влияния пропаганды гомосексуальности на молодежь. Так, например, М. Тэтчер заявляла, что «дети,

¹ Закон Рязанской области от 03.04.2006 41-ОЗ «О защите нравственности и здоровья детей в Рязанской области». – URL: https://ecom.ngo/resource/files/2021/05/ecom_law_rus_a4.pdf (дата обращения: 07.05.2024).

² Закон Санкт-Петербурга от 29.02.2012 238 «О внесении изменений в Закон Санкт-Петербурга “Об административных правонарушениях в Санкт-Петербурге”». – URL: https://ecom.ngo/resource/files/2021/05/ecom_law_rus_a4.pdf (дата обращения: 07.05.2024).

³ EU (2013) EU Permanent Delegation to The United Nations Office Contribution of the European Union: Traditional values. – URL: <http://www.ohchr.org/EN/Issues/Pages/TraditionalValues.aspx> (дата обращения: 10.05.2024).

которые должны уважать традиционные нравственные ценности, учатся тому, что у них есть неотъемлемое право быть геями... Всех этих детей обманывают с младых ногтей – да, именно так, обманывают» (Thatcher, 1982). Эти слова влиятельного политика М. Тэтчер возымели свое действие и повлияли на принятие ряда законодательных актов, запрещающих пропаганду гомосексуализма среди несовершеннолетних.

Однако, как отмечает А. Кондаков, ситуация полностью претерпела изменения по прошествии 25 лет, вылившись в разрешение однополых браков и даже нацеленность на распространение однополых браков на другие страны, то есть Великобритания стала инициатором международной кампании по экспортированию идеи однополых браков, которая достаточно успешно распространяется по многим странам. В 2015 г. однополые браки были признаны на федеральном уровне в США. Одновременно Европарламент выступил с призывом ко всем странам ЕС отменить любые дискриминационные законы в отношении ЛГБТ. Эта установка проводится также и ООН, большей частью поддерживающей все инициативы, касающиеся прав сексуальных меньшинств (Кондаков, 2018). Страны, правительства которых не являются сторонниками однополых браков, подвергаются осуждению. В первую очередь, это относится к России, на менее сильные государства оказывается прямое давление, включая лишение их финансовой и экономической помощи со стороны США и ЕС (опыт Уганды, Зимбабве, Словении и др.). При этом: «Логика международной прессы принадлежит одной части света – той в которой Дэвид Камерон экспортирует однополые браки. Логика Путина – биополитические аргументы о демографии и отрицание дискриминации ЛГБТ – маркируют другую часть света» (Кондаков, 2018. С. 22) Рассматривая этот дискурс, А. Кондаков сожалеет о том, что президент Путин не видит дискриминационного характера законов о запрете пропаганды ЛГБТ: «Правительства обязаны определиться, признают ли и продвигают ли они законодательства в области прав человека для геев и лесбиянок, либо же они записываются в недоразвитые, варварские и отстающие страны» (Кондаков, 2018. С. 24).

В такой же логике рассматривается политика России по сохранению традиционных ценностей, а следовательно, и сохранению традиционного гендерного порядка. Л. Уилкинсон полагает, что данная политика «агрессивно» применяется Россией на практике, что выражается, прежде всего, в «законах против пропаганды гомосексуализма». Принятие данных законов, по ее мнению, бросает вызов «международным нормам в области прав человека», что выявляет «гомонормативную природу мейнстримного активизма за права ЛГБТ, является подрывом фундаментальных прав человека» (Уилкинсон, 2018. С. 176–177). Власти США открыто занимаются продвижением политики геев и гомосексуалистов в ущерб семейной политике. Как отмечает Д. Лазаревич, последствия для американского общества представляются катастро-

фическими. При этом подчеркивается, что существуют силы, стремящиеся противостоять данной политике, но представители этих движений не обладают властными полномочиями, учитывая тот факт, что количество представителей ЛГБТ-сообществ во властных структурах постоянно увеличивается (Лазаревич, 2024).

В этом отношении лидируют США, за ними следуют Канада и Великобритания. Если посмотреть на структуру администрации Байдена и политического руководства США, то становится ясно, что очень важные посты во власти заняли транссексуалы/трансгендеры. В 2021 году внимание общественности привлекло назначение транс-адмирала Леланда Левина 17-м помощником государственного секретаря по здравоохранению. Он сделал операцию по смене пола (и имени на Рэйчел) еще в 2011 году, хотя был женат и имел двоих детей. До прихода в политику он был известен своей борьбой за права ЛГБТ, а по скандальному решению журнала «USA Today» («США Сегодня») был назван Женщиной 2022 года¹. В 2021 году на политическую вершину США добрался еще один открытый носитель ЛГБТ-повестки – Питер Бутигиг, став 19-м министром транспорта США. Как и Левин, Бутигиг служил в армии (на флоте) и работал в разведывательной службе, прежде чем серьезно занялся политикой. В 2015 году он публично признался, что является геем, став первым мэром-геем Индианы. Он женился на своей партнерше в 2018 году, а в 2021 году они усыновили двоих детей. Только в 2023 году были назначены: Клэр Килман (городской совет Карбондейла); Оливия Хилл (Метрополитен-совет Нэшвилла и округа Дэвидсон); Даника Ройм (первый трансгендерный сенатор штата Вирджинии США); Элисон Теркотт (член парламента от Нью-Гэмпшира); Плутон Брэнд (глава Партии зеленых в Индиане); Дина Нина Маринез-Резерфорд (член городского совета Мэдисона) (Лазаревич, 2024. С. 60–62).

Вполне аргументированным ответом на такую политику представляется позиция В. В. Путина, высказанная на Валдайском форуме в 2013 году, где он четко заявил об опасностях потери традиционных ценностей. Им угрожают «грубые заимствования», противоречащие стремлению России «к самостоятельности, к духовному, идеологическому, внешнеполитическому суверенитету», являющиеся «неотъемлемой частью нашего национального характера». Путин связывает утрату традиционных ценностей с утратой национального суверенитета, и даже шире – с утратой цивилизационной идентичности: «Мы видим, как многие евроатлантические страны фактически пошли по пути отказа от своих корней, в том числе и от христианских ценностей, составляющих основу западной цивилизации. Отрицаются нравствен-

¹ Biden selects transgender doctor Rachel Levine as assistant health secretary // The Washington Post. – URL: <https://www.washingtonpost.com/health/2021/01/19/rachel-levine-transgender-biden-hhs-pick> (дата обращения: 14.05.2024).

ные начала и любая традиционная идентичность: национальная, культурная, религиозная или даже половая. <...> Люди во многих европейских странах стыдятся и боятся говорить о своей религиозной принадлежности. Праздники отменяют или называют их как-то по-другому, стыдливо пряча саму суть этого праздника – нравственную основу этих праздников. И эту модель пытаются агрессивно навязывать всем, всему миру. Убежден, это прямой путь к деградации и примитивизации, глубокому демографическому и нравственному кризису»¹.

Заключение

Гендерный порядок, сложившийся в обществе модерна как асимметрия гендерных ролей в публичной и частно-семейной сферах жизни, стал подвергаться активной критике, в первую очередь, различными феминистскими движениями, выступающими за полное равноправие мужчин и женщин. Этот социальный процесс был выражен в гендерной социологии, которая развела биологический пол и социально-статусные позиции гендера. Развитие этого подхода реализовалось в конце XX века в квир-теории, полностью разрушившей не только взаимосвязь биологического пола и конструкта гендерной идентичности, но и бинарную оппозицию гендерной идентичности. Основными идеями этой теории являются: утверждение незначимости биологического пола; отрицание природной дихотомии идентичности на маскулинную и феминную; признание гендерных идентичностей как открытых к изменениям, текучих и пластичных; необходимость раннего «просвещения» детей в области многообразия сексуальных идентичностей, направленного на выбор детьми иной сексуальной идентичности.

Квир-теория нашла применение в политической практике современных государств, воспринимаемых как «коллективный Запад». В их внутренней политике эта теория используется для вытеснения проблем гендерного порядка из актуальной повестки дня: фокус анализа смещается с объективных проблем гендерного неравенства в область индивидуально конструируемых гендеров посредством культурных практик. Главным становятся не социальные структуры и социальные системы, но гендерные субъективные самости (Self) и идентичности. Данный подход приводит к изучению гендерного символизма и гендерных идентичностей, что ведет к разрыву ассоциации между гендером, природной сексуальностью и идентичностью, тем самым ослабляя понятие гендера как значимую социальную категорию. Под видом культурного многообразия продвигается нивелировка культурных различий, разрушаются исторические корни культурного многообразия человечества. Такой идеологический посыл утверждается в политике многих европейских государств, США и Канады, а также был заимствован некоторыми предста-

¹ *Путин В. В.* Выступление на Валдайском форуме, 2013. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/19243/videos> (дата обращения: 07.05.2024).

вителями российской академической науки как платформа для критики гендерного порядка России.

Принятие законов об однополых браках в большинстве западных стран и распространение пропаганды идей ЛГБТ в учебных заведениях ведут к изменению гендерного порядка и становятся явной угрозой традиционным семейным ценностям, что послужило принятию правовых инициатив в 2006 г. (Рязань) и в 2011 г. (Санкт-Петербург) по защите и сохранению традиционных ценностей и рассмотрению пропаганды гомосексуальных отношений как угрозы семейным ценностям и традиционным отношениям между мужчиной и женщиной.

Политика России по сохранению традиционных ценностей (включая бинарную семью и сложившийся на протяжении XX века гендерный порядок) начиналась с факультативных опытов на уровне отдельных региональных правительств в первое десятилетие XXI века до принятия основ государственной политики РФ по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей (2022 г.). Бинарный гендерный порядок, сложившийся в обществе модерна, защищается Россией на уровне внутренней политики и на международном уровне в деятельности международных организаций (ООН, Европарламент и др.). Этот стратегический курс поддерживается большинством российского общества, о чем свидетельствует мониторинг общественного мнения.

Список источников

Антоненко Антонина И. Савремене тенденције у друштву и очување светости / А. И. Антоненко // Зборник Светост и дух времена / приредио Зоран Милошевић. – Белград: Институт за политичке студије, 2021. – 409 с.

Возможен ли «квир» по-русски? ЛГБТК-исследования. Междисциплинарный сборник / сост. и ред. В. Созаев. – Санкт-Петербург, 2010. – 256 с.

Воронцов Д. В. Квир-теория: перспективы психологического анализа сексуальности / Д. В. Воронцов // Вопросы психологии. – 2012. – № 2. – С. 153–162. – EDN PXTCOB.

Здравомыслова Е. А. 12 лекций по гендерной социологии / Е. А. Здравомыслова, А. А. Темкина. – Санкт-Петербург: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2015. – 768 с.

Исаев Д. Квир-концепция как позитивный вектор развития социума / Д. Исаев // На перепутье: методология, теория и практика ЛГБТ и квир-исследований: сборник

References

Antonenko Antonina I. Contemporary Tendencies in Friendship and the Sense of Light. Collection Light and the Spirit of Time. Edited by Zoran Milosevic. *Belgrade: Institute for Political Studies*. 2021; 409 (in Serbian).

Is “Queer” Possible in Russian? LGBTQ Studies. Interdisciplinary Collection. Comp. and ed. by V. Sozaev. *St. Petersburg*. 2010; 256 (In Russ.).

Vorontsov D. V. Queer Theory: Prospects of Psychological Analysis of Sexuality. *Voprosy psikhologii = Questions of Psychology*. 2012; 2. 153–162 (In Russ.).

Zdravomyslova E. A., Temkina A. A. 12 lectures on gender sociology. *Sankt-Peterburg: Izdatel'stvo Yevropeyskogo universiteta v Sankt-Peterburge = Saint-Petersburg: Publishing House of the European University at St. Petersburg*. 2015; 768 (In Russ.).

Isaev D. Queer concept as a positive vector of social development. At the crossroads: methodology, theory and practice of LGBT and queer

статей / Центр независимых социологических исследований; ред.-сост. А. А. Кондаков. – Санкт-Петербург: Центр независимых социологических исследований, 2014. – С. 293–309. – EDN VVPRAZ.

Кон И. С. Гомофобия как лакмусовая бумажка российской демократии / И. С. Кон // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. – 2007. – № 4(90). – С. 59–69. – EDN LPCPGP.

Кон И. С. Сексуальная культура в России: очерк истории сексуальной культуры с дохристианских времен до современности / И. С. Кон. – Москва: ФСТ, сор. 2019. – 462 с.

Кондаков А. А. Международные дискуссии о гомосексуальности: эффекты бумеранга в потоках власти / А. А. Кондаков // Социология власти. – 2018. – Т. 30, № 1. – С. 14–32. – EDN XSNSYH.

Лазаревич Д. Традиционные ценности и последствия их нарушения / Д. Лазаревич // Россия и страны Восточной Европы в условиях нового миропорядка: вопросы безопасности и сотрудничества: сборник статей по итогам круглого стола с международным участием. – Брянск: БГТУ, 2024. С. 58–68.

Парсонс Т. Американская семья: ее отношения с личностью и социальной структурой / Т. Парсонс // Человек. Сообщество. Управление. – 2006. – № 2. – С. 95–104. – EDN HVMFCR.

Сенькова О. А. «Особо не до либидо»: солидарности и политики сексуальности в низовых феминистских инициативах Петербурга / О. А. Сенькова // Социология власти. – 2018. – Т. 30, № 1. – С. 79–100. – EDN XSNSZF.

Уилкинсон К. «Традиционные ценности» на практике: возникновение и оспаривание законов о «пропаганде гомосексуализма» в России / К. Уилкинсон // Социология власти. – 2018. – Т. 30, № 1. – С. 175–204. – EDN XSNTAT.

Ценностные ориентации российской молодежи и реализация государственной молодежной политики: результаты исследования / О. Л. Бегичева, С. А. Гришаева, М. Б. Поляков [и др.]. – Москва: Государственный университет управления, 2017. – 131 с. – ISBN 978-5-215-02993-0. – EDN ZRSCWZ.

Butler Judith. Gender Trouble: Feminism and the Subversion of Identity / J. Butler. – New York: Routledge, 1990. – 273 p.

studies: a collection of articles. Na pereput'ye: metodologiya, teoriya i praktika LGBT i kvir-issledovaniy: sbornik statey / Tsentri nezavisimyykh sotsiologicheskikh issledovaniy; red.-sost. A. A. Kondakov. Sankt-Peterburg: Tsentri nezavisimyykh sotsiologicheskikh issledovaniy = Center for Independent Sociological Research; ed. A. Kondakov. St. Petersburg: Center for Independent Sociological Research. 2014; 293-309 (In Russ.).

Kon I. S. Homophobia as a litmus test of Russian democracy. Vestnik obshchestvennogo mneniya. Dannyye. Analiz. Diskussii = Bulletin of public opinion. Data. Analysis. Discussions. 2007; 4 (90): 59-69 (In Russ.).

Kon I. S. Sexual culture in Russia: an essay on the history of sexual culture from pre-Christian times to the present. Moscow. 462 (In Russ.).

Kondakov A. A. International discussions on homosexuality: boomerang effects in the flows of power. Sociologiya vlasti = Sociology of power. 2018; 30: 14-32 (In Russ.).

Lazarevich D. Traditional values and the consequences of their violation. Rossiya i strany Vostochnoy Yevropy v usloviyakh novogo miroportyadka: voprosy bezopasnosti i sotrudnichestva: sbornik statey po itogam kruglogo stola s mezhdunarodnym uchastiyem. Bryansk: BSTU. 2024; 58-68 (In Russ.).

Parsons T. The American Family: Its Relationship with the Individual and Social Structure. Chelovek. Soobshchestvo. Upravleniye = Man. Community. Management. 2006; 2: 95-104 (In Russ.).

Senkova O. A. "Not Much Time for Libido": Solidarity and Politics of Sexuality in Grassroots Feminist Initiatives in St. Petersburg. Sociologiya vlasti = Sociology of power. 2018; 30(1): 79-100 (In Russ.).

Wilkinson K. "Traditional Values" in Practice: The Emergence and Contestation of Laws on "Propaganda of Homosexuality" in Russia. Sotsiologiya vlasti = Sociology of Power. 2018; 30(1): 175-204 (In Russ.).

Value orientations of Russian youth and the implementation of state youth policy: research

Delphy Christine. Rethinking sex and gender / Ch. Delphy // D. Leonard and Adkins (eds) Sex in question: French Materialist Feminism. – London: Taylor & Francis, 1996. – P. 31–43.

Foucault M. Histoire de la sexualite. – P.: Gallimard, 1976. – Vol. 1. La volonté de savoir. – 211 p.

Giddens A. The transformation of Intimacy. – Cambridge, 1997. – 222 p.

Haug Franziska. Queerfeministische Solidarität zwischen Kollektivität und Identität [queer-feminist solidarity between collectivity and identity] // Zeitschrift für Kultur- und Kollektivwissenschaft. – 2018. – Vol. 4(1). – P. 235–262.

Jackson Stevi, Scott Sue (eds) Feminism and Sexuality: A Reader. – London: Routledge, 2003. – 390 p.

Jagose Annamarie. Queer Theory: Eine Einführung. – Querverlag GmbH, Berlin. (German version), 2001. – 220 p.

Kosofsky Sedgwick Eve. Epistemology of the Closet. – University of California Press, Berkeley and Los Angeles, 1990. – 49 p.

Sperling Valerie. The Gender Gap in Russian Politics and Elections. PONARS Policy Memo. No. 259. Clark University. 2002. URL: https://www.ponarseurasia.org/wp-content/uploads/attachments/pm_0259.pdf (дата обращения: 14.05.2024).

Thatcher M. “Speech to Conservative Party Conference”. URL: <http://www.margarettatcher.org/document/106941> (дата обращения: 10.05.2024).

Watson K. Queer Theory // Group Analysis. – 2005. – Vol. 38. – P. 67–81.

results. O. L. Begicheva, S. A. Grishaeva, M. B. Polyakov [et al.]. Moscow: State University of Management. 2017; 131. ISBN 978-5-215-02993-0 (In Russ.).

Butler Judith. Gender Trouble: Feminism and the Subversion of Identity. Routledge: New York. 1990; 273.

Delphy Christine. ‘Rethinking sex and gender’, in D. Leonard and Adkins (eds) Sex in question: French Materialist Feminism. London: Taylor & Francis. 1996; 31–43.

Foucault M. Histoire de la sexualite. P.: Gallimard. 1976; 1: 211.

Giddens A. The transformation of Intimacy. Cambridge. 1997; 222.

Haug Franziska. Queerfeministische Solidarität zwischen Kollektivität und Identität [queer-feminist solidarity between collectivity and identity]. Zeitschrift für Kultur- und Kollektivwissenschaft. 2018; 4(1) p. 235–262.

Jackson Stevi, Scott Sue (eds) Feminism and Sexuality: A Reader. London: Routledge. 2003; 390.

Jagose Annamarie. Queer Theory: Eine Einführung. Querverlag GmbH, Berlin. (German version). 2001; 220.

Kosofsky Sedgwick Eve. Epistemology of the Closet. University of California Press, Berkeley and Los Angeles. 1990; 49.

Sperling Valerie. The Gender Gap in Russian Politics and Elections. PONARS Policy Memo. No. 259. Clark University. 2002. Available from: https://www.ponarseurasia.org/wp-content/uploads/attachments/pm_0259.pdf [Accessed 14 May 2024].

Thatcher M. “Speech to Conservative Party Conference”. Available from: <http://www.margarettatcher.org/document/106941> [Accessed 10 May 2024].

Watson K. Queer Theory. Group Analysis. 2005; 38: 67–81.

Для цитирования: Касаткин Е. В. Гендерный порядок в современном противостоянии России и стран «коллективного Запада» // Гуманитарий Юга России. – 2024. – Т. 13. – № 5 (69). – С. 234–250.
DOI 10.18522/2227-8656.2024.5.18
EDN ZEVOOS

История статьи:
Поступила в редакцию – 30.08.2024
Одобрена после рецензирования – 17.09.2024
Принята к публикации – 20.09.2024

Сведения об авторе

Касаткин Евгений Васильевич

Аспирант Адыгейского государственного
университета, начальник цикла – старший
преподаватель, подполковник Военного
учебного центра Ростовского
государственного медицинского
университета
SPIN-код: 5325-0930
AuthorID: 833052
j2580@mail.ru

Information about author

Evgeniy V. Kasatkin

Postgraduate Student
of Adygea State University,
Head of the cycle – Senior Lecturer,
Lieutenant Colonel of the Military Training
Center of the Rostov State
Medical University
j2580@mail.ru